

НАБИЕВ Фаниль Фанусович,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Уфимского юридического института МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА СЛЕДОВАТЕЛЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В статье рассматривается эволюция института следователя в уголовном судопроизводстве России с момента его возникновения в ходе судебной реформы 1860–1864 годов и до настоящего времени. Автор прослеживает изменение правового положения следователя, начиная от учреждения должности судебного следователя, отделённого от полиции и подчинённого суду, через советский период, когда следователь был передан в подчинение прокуратуре и утратил самостоятельность, вплоть до современного этапа, закреплённого в УПК РФ 2001 года. Особое внимание уделяется критике действующего законодательства, которое относит следователя к стороне обвинения и лишает его принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, что, по мнению автора, противоречит состязательной модели процесса. На основе исторического анализа обосновывается необходимость переосмысления процессуального статуса следователя и возвращения ему черт независимого, беспристрастного исследователя, приближенного к судебной власти, как это было в дореволюционной России. В работе сопоставляются различные этапы развития института, выделяются ключевые изменения в законодательстве и делается вывод о том, что современное правовое регулирование сохраняет рудименты розыскного процесса и требует дальнейшего реформирования в направлении усиления состязательности и независимости предварительного расследования.

Ключевые слова: следователь, уголовное судопроизводство, правовой статус, процессуальная самостоятельность, предварительное расследование, судебный следователь, состязательность.

NABIEV Fanil Fanusovich,
Docent of the Department of Criminal Law and Criminology
of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF THE INVESTIGATOR IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. The article examines the evolution of the institution of the investigator in the criminal proceedings of Russia from the moment of its emergence during the judicial reform of 1860-1864 to the present. The author traces the change in the legal position of the investigator, starting from the establishment of the post of a judicial investigator, separated from the police and subordinate to the court, through the Soviet period, when the investigator was subordinated to the prosecutor's office and lost independence, up to the modern stage, enshrined in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in 2001. Particular attention is paid to criticism of the current legislation, which refers the investigator to the prosecution and deprives him of the principle of comprehensiveness, completeness and objectivity of the study of the circumstances of the case, which, in the opinion of the author, contradicts the adversarial model of the process. On the basis of historical analysis, the need to rethink the procedural status of the investigator and return to him the features of an independent, impartial researcher close to the judiciary, as it was in pre-revolutionary Russia, is justified. The paper compares various stages of the institute's development, highlights key changes in legislation and concludes that modern legal regulation preserves the rudiments of the search process and requires further reform in the direction of strengthening the competitiveness and independence of the preliminary investigation.

Key words: investigator, criminal proceedings, legal status, procedural independence, preliminary investigation, judicial investigator, adversarial.

Становление института следователя в российском уголовном процессе представляет собой один из ключевых сюжетов истории отечественного судопроизводства, поскольку именно фигура следователя является центральным звеном досудебного производства, а его статус во многом определяет тип уголов-

ного процесса – розыскной или состязательный, публичный или судебный. На протяжении почти двух веков правовое положение следователя неоднократно менялось: от независимого судебного следователя пореформенной России до вспомогательного работника при прокуратуре в советский период и, наконец, до участника стороны обви-

нения в современном УПК РФ. Каждый из этих этапов сопровождался острыми дискуссиями о том, каким должен быть следователь – беспристрастным исследователем обстоятельств дела или профессиональным обвинителем. Особую остроту эти вопросы приобретают в настоящее время, когда действующее законодательство вызывает справедливую критику со стороны учёных и практиков, указывающих на необходимость переосмысления роли следователя в условиях состязательного процесса. Представляется, что без обращения к историческому опыту, без анализа того, как зарождался и развивался этот институт, невозможно дать объективную оценку его современному состоянию и предложить обоснованные пути реформирования. В связи с этим обратимся к результатам проведённого исследования, которое охватывает период от дореформенной России до наших дней [1, с. 66]. Проведённый анализ нормативных правовых актов и научной литературы, как дореволюционного, так и современного периода, позволяет утверждать, что возникновение и развитие института следователя в уголовном судопроизводстве России непосредственно связано с изданием Александром II 8 июня 1860 года Указов «Учреждение судебных следователей» и «Об отделении следственной части от полиции». Основной предпосылкой формирования института судебных следователей явился глубокий кризис предварительного расследования, сложившийся в отечественном уголовном процессе к середине XIX века. До реформы 1860-х годов функции дознания и предварительного следствия были сосредоточены в руках полиции, причём производство следствия сводилось к выявлению всех обстоятельств совершённого преступления — как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого.

В связи с этим представляется обоснованной критика позиции некоторых исследователей, полагающих, что появление следователя как лица, уполномоченного на производство расследования, следует относить к более раннему историческому периоду. Само по себе употребление термина «следователь» в отдельных нормативных актах, действовавших до 1860 года, а также использование данной дефиниции в научных трудах учёных того времени ещё не свидетельствует о возникновении следователя в качестве самостоятельного участника уголовного судопроизводства. До судебной реформы 1860-х годов под следователем понималось не должностное лицо судебной власти, фиксирующее и проверяющее доказательство, собранные полицией, а полицейский чиновник, непосредственно производящий расследование преступления [2, с. 38]. В его обязанности входило собирание доказательств совершённого деяния, на основе которых судья мог бы сформировать внутреннее убеждение и постановить приговор о совершении преступления и виновности либо невиновности обвиняемого.

Следует подчеркнуть, что для признания того

или иного лица участником уголовного процесса необходимо соблюдение трёх условий: 1) прямое указание на такое лицо в законе в качестве участника процесса; 2) наличие у него процессуальных прав и обязанностей; 3) вступление в уголовно-процессуальные отношения с иными субъектами при реализации своих прав и исполнении обязанностей. Указанные признаки в полной мере получили своё нормативное закрепление лишь в 1860 году. В этой связи этап, предшествующий отделению следственной функции от полиции и созданию специализированного следственного аппарата, надлежит именовать периодом, предшествовавшим непосредственному возникновению института следователя в российском уголовном судопроизводстве.

Согласно названным выше Указам, а также изданному в том же году «Наказу судебным следователям», должность судебного следователя приравнивалась к должности члена уездного суда, а контроль за производимыми им следственными действиями возлагался на судебные органы. Назначение судебных следователей осуществлялось министром юстиции по представлению губернатора и с согласия губернского прокурора.

В ходе судебной реформы 1864 года правовое положение следователя претерпело значительные изменения. Было исключено участие губернатора как в назначении судебного следователя на должность, так и в его увольнении. Отныне следователь, подобно судье, назначался на должность указом Императора по представлению министра юстиции. Законодательно закреплялся принцип несменяемости судебных следователей, аналогичный принципу несменяемости судей. Назначенные на должность судебные следователи состояли в ней пожизненно; увольнение допускалось лишь по личному прошению либо на основании приговора уголовного суда [7, с. 70]. Перевод следователя из одного участка в другой мог быть осуществлён только по решению общего собрания членов суда с последующим утверждением Императором.

Судебный следователь обладал широким кругом полномочий: он самостоятельно возбуждал уголовное дело, производил допросы, очные ставки, обыски, выемки, осмотры и освидетельствования, назначал экспертизы, предъявлял обвинение, определял меру пресечения, включая заключение под стражу, и принимал решение об окончании следствия. Вместе с тем отдельные процессуальные действия следователя были поставлены в зависимость от судебного контроля либо прокурорского надзора [3, с. 66]. В частности, наложение ареста на имущество обвиняемого, а также прекращение уголовного дела требовали согласия суда. При заключении обвиняемого под стражу следователь был обязан незамедлительно уведомить лицо, осуществлявшее прокурорский надзор. Кроме того, следователь должен был исполнять законные требования прокурора, касающиеся направления расследования и собирания доказа-

тельств.

После Октябрьской революции 1917 года институт судебных следователей был упразднён. В первые годы советской власти органами предварительного следствия выступали: следственные комиссии при революционных трибуналах, следственные комиссии окружных и народных судов (по одной на уезд или город губернского подчинения), а также Всероссийская и местные чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности.

В 1919 году были созданы специализированные органы предварительного следствия в Вооружённых силах — военные следователи, состоявшие при революционных военных трибуналах различных уровней, а также при окружных и губернских военных комиссариатах.

Положением о народном суде РСФСР, утверждённым декретом ВЦИК от 21 октября 1920 года, уездные (городские) следственные комиссии были ликвидированы и введён институт народных следователей. Для расследования наиболее значимых дел при губернских комиссариатах учреждались должности следователей по важнейшим делам.

Дальнейшее развитие института следователя получило в УПК РСФСР 1922 года. Расследование преступлений было возложено на народных следователей при следственных участках, старших следователей при губернских судах, следователей по важнейшим делам при Верховном Суде РСФСР и прокуратуре НКЮ РСФСР, а также следователей военных трибуналов. По закону того времени следователи обладали достаточной независимостью от прокурора и могли переносить возникшие разногласия на окончательное разрешение суда [4, с. 10].

Однако после принятия Положения о прокурорском надзоре от 28 мая 1922 года статус следователя претерпел изменения ввиду существенного расширения процессуальных полномочий прокурора. Указанным Положением прокурору было предоставлено право непосредственно наблюдать за деятельностью органов следствия, давать обязательные указания о направлении расследования и дополнении следствия, а также о мере пресечения. По окончании расследования следователи направляли дело прокурору для дальнейшего движения. В то же время следователь продолжал оставаться в ведении судов: именно суд назначал следователей на должность, отстранял их от производства по делу, осуществлял передачу дел из одного следственного участка в другой (ст. 127), рассматривал жалобы на действия следователя (ст. 216). Возникавшие разногласия между следователем и прокурором разрешались судом в коллегиальном порядке.

УПК РСФСР 1923 года предоставил прокурору дополнительные полномочия по передаче дел от одного следователя к другому и рассмотрению жалоб на действия следователя.

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 3

сентября 1928 года «Об изменении Положения о судостроительстве РСФСР», а также Постановлением ЦИК и СНК СССР от 30 января 1929 года следственный аппарат был передан в полное организационное подчинение прокуратуры. При этом решения прокуроров о назначении и увольнении народных следователей подлежали утверждению губисполкомами.

Своё последующее развитие правовой статус следователя получил в результате принятия Основ уголовного судопроизводства Союза ССР в 1958 году и Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 года. В части 1 статьи 127 УПК РСФСР прямо закреплялось, что «все решения о направлении следствия и производстве следственных действий следователь принимает самостоятельно, за исключением случаев, когда законом предусмотрено получение санкции от прокурора, и несёт полную ответственность за их законное и своевременное проведение». За следователем также было закреплено право обжалования указаний прокурора и начальника следственного отдела. При этом обжалование полученных указаний по общему правилу не приостанавливало их исполнения, за исключением указаний о привлечении в качестве обвиняемого, о квалификации преступления и объёме обвинения, о направлении дела для предания обвиняемого суду либо о прекращении дела (ч. 2 ст. 127, ч. 4 ст. 127-1 УПК РСФСР). Законодатель также определил руководящую роль следователя по отношению к органам дознания. Таким образом, в рассматриваемой статье был закреплён принцип процессуальной самостоятельности следователя [5, с. 58]. Однако данное положение не повлекло за собой сколько-нибудь значительных сдвигов в направлении усиления процессуальной самостоятельности следователя. Прокурор по-прежнему руководил следствием, давая обязательные для исполнения указания, санкционируя многие действия и решения следователя, осуществляя надзор за ним. Более того, при желании прокурор мог принять производство по делу на себя.

В этой связи в Концепции судебной реформы в Российской Федерации, принятой в 1992 году, было справедливо отмечено: «Следователи прокуратуры, по сути, не могут быть никем иным, кроме как вспомогательным работником при прокуроре, обязанным способствовать последнему в обосновании обвинения. Процессуальный статус следователя ОВД ещё более низок. Он — заложник оперативных служб. При таком положении нельзя обеспечить ни качество расследования, ни надзор за его законностью».

Принятый в 2001 году УПК РФ является, бесспорно, шагом вперёд по сравнению с УПК РСФСР 1960 года. Однако при всей его демократичности и приверженности принципам состязательности следует отметить, что стадия предварительного расследования, закреплённая в разделе VIII УПК РФ, по своей сути построена по прежнему советскому образцу и мало отличается от своего пра-

вового регулирования в УПК РСФСР. Согласно УПК РФ, предварительное следствие и дознание проводятся практически по единым процессуальным правилам, а производство предварительного следствия, как и прежде, возложено на следователей [6, с. 24], относящихся к структурным подразделениям органов внутренних дел, ФСБ, но не к судебной власти. Более того, статья 38 УПК РФ окончательно лишила следователя даже формальной беспристрастности, отнеся его к участникам уголовного процесса со стороны обвинения и обязав таким образом собирать преимущественно обвинительные доказательства [8, с. 79]. Таким образом, в отличие от других стадий уголовного процесса, предварительное расследование в значительной мере сохранило в себе черты розыскного процесса советского типа.

Законодатель, определив, что следователь осуществляет уголовное преследование и относится к стороне обвинения [9, с. 193], исключил принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, что обусловило необходимость теоретического переосмысления процессуального положения данного участника уголовного процесса с тем, чтобы приблизить предварительное следствие к состязательному типу процесса, который существует в уголовном процессе зарубежных стран и был присущ дореволюционной России.

Проведённое историко-правовое исследование позволяет сформулировать ряд итоговых выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение. Во-первых, возникновение института следователя как самостоятельного участника уголовного судопроизводства следует связывать именно с реформами 1860–1864 годов, поскольку только тогда законодатель впервые прямо закрепил в законе статус судебного следователя, отделил его от полиции, наделил процессуальными правами и обязанностями и определил его место в системе судебной власти, тогда как более раннее употребление термина «следователь» в нормативных актах и научных трудах не свидетельствует о появлении данного института, ибо до реформы следователь оставался полицейским чиновником, лишённым процессуальной самостоятельности [11, с. 18] и судебного контроля. Во-вторых, судебная реформа 1864 года подняла статус следователя на качественно новый уровень, закрепив принципы несменяемости, независимости от администрации и подчинения суду, а также предоставив ему широкие полномочия по возбуждению и расследованию дел, при этом следователь сохранял элементы беспристрастности [10, с. 35], собирая как обвинительные, так и оправдательные доказательства, и лишь в ограниченных случаях подчинялся прокурорскому надзору, что делало его фигурой, близкой к судебной власти. В-третьих, советский период ознаменовался поэтапной утратой самостоятельности следователя: если УПК РСФСР 1922 года ещё допу-

скал независимость от прокурора и возможность переноса разногласий на разрешение суда, то уже Положение о прокурорском надзоре 1922 года и последующие акты 1928–1929 годов передали следственный аппарат в полное организационное подчинение прокуратуры, а УПК РСФСР 1960 года, несмотря на формальное закрепление принципа процессуальной самостоятельности, фактически сохранил жёсткий прокурорский контроль и превратил следователя в «вспомогательного работника» при прокуроре, что было справедливо отмечено в Концепции судебной реформы 1992 года. В-четвёртых, принятие УПК РФ в 2001 году, при всех его демократических новациях, не только не восстановило независимость следователя, но и окончательно лишило его черт беспристрастности, отнеся его к стороне обвинения (ст. 38 УПК РФ) и обязав собирать преимущественно обвинительные доказательства, что фактически закрепило розыскную модель предварительного расследования и поставило следователя в зависимость от оперативных служб и прокуратуры, что кардинально отличает его от дореволюционного судебного следователя, который был подотчётен суду и обязан был выявлять все обстоятельства дела независимо от их выгоды для обвинения. В-пятых, проведённый анализ убедительно свидетельствует о том, что стадия предварительного следствия в современном УПК РФ сохранила рудименты советского розыскного процесса, тогда как иные стадии уголовного процесса были реформированы в сторону состязательности, что создаёт дисбаланс и требует теоретического переосмысления статуса следователя. В-шестых, для приближения предварительного расследования к состязательному типу процесса, который существует в зарубежных правовых порядках и был характерен для дореволюционной России, необходимо пересмотреть процессуальное положение следователя, вернув ему принцип всесторонности, полноты и объективности исследования, а также усилив судебный контроль и снизив зависимость от органов обвинения.

Таким образом, исторический опыт убеждает, что эффективное и справедливое предварительное следствие возможно лишь при условии, что следователь выступает не в роли обвинителя, а в качестве независимого исследователя, стоящего над сторонами, – именно такой статус, заложенный реформами Александра II, может служить ориентиром для современного законодателя, если он действительно намерен завершить переход к подлинно состязательному уголовному процессу.

Список литературы:

- [1] Мигранова, В. А. Сравнительный анализ криминогенного состояния в СССР и современной России / В. А. Мигранова // Право и государственность. – 2024. – № 2(3). – С. 65-70.
- [2] Головченко, Ю. Р. Категория «народ» в конституционном праве / Ю. Р. Головченко // Право и государственность. – 2024. – № 2(3). – С. 37-39.

[3] Шайхуллин, М. С. Принцип нравственности в адвокатуре / М. С. Шайхуллин // Право и государственность. – 2025. – № 1(6). – С. 62-68.

[4] Самигуллин, В. К. Правопорядок и демократия / В. К. Самигуллин // Право и государственность. – 2026. – № 2(11). – С. 8-13.

[5] Мухаметшин, Ф. Б. Вопросы защиты прав потерпевшего на досудебной стадии уголовного процесса / Ф. Б. Мухаметшин // Право и государственность. – 2026. – № 2(11). – С. 56-61.

[6] Удодов, А. Г. Историческая «фальсификация» и ответ на нее: историко-правовые аспекты / А. Г. Удодов // Право и государственность. – 2025. – № 3(8). – С. 22-26.

[7] Гаджиалиева, А. Т. Историко-правовой анализ становления и развития института приостановления предварительного расследования в России / А. Т. Гаджиалиева // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения (приуроченная к 160-летию Устава уголовного судопроизводства) : Сборник материалов V Международной научно-практической конференции, Уфа, 04–05 апреля 2024 года. – Уфа: Уфимский юридический институт МВД РФ, 2024. – С. 68-72.

[8] Шайхуллин, М. С. Нравственное состояние современного российского адвоката в аспекте профессионального судебного представительства / М. С. Шайхуллин // Право и государственность. – 2025. – № 3(8). – С. 77-81.

[9] Гаджиалиева, А. Т. Проблемные аспекты процессуального порядка приостановления предварительного расследования в связи с розыском подозреваемого или обвиняемого / А. Т. Гаджиалиева // Закон и право. – 2023. – № 11. – С. 192-195.

[10] Бадретдинов, А. И. Процессуальные сроки как гарантии права лица на справедливое судебное разбирательство в разумный срок / А. И. Бадретдинов, М. С. Шайхуллин // Судебная власть. – 2026. – № 2. – С. 34-40.

[11] Самигуллин, В. К. Испытание российской государственности на прочность (к событиям 1773-1775 гг.) / В. К. Самигуллин // Право и государственность. – 2025. – № 2(7). – С. 11-21.

References:

[1] Migranova, V. A. Comparative Analysis of the Crime Rate in the USSR and Modern Russia / V. A.

Migranova // Law and Statehood. – 2024. – No. 2 (3). – P. 65-70.

[2] Golovchenko, Yu. R. The Category of «People» in Constitutional Law / Yu. R. Golovchenko // Law and Statehood. – 2024. – No. 2 (3). – P. 37-39.

[3] Shaikhullin, M. S. The Principle of Morality in the Bar / M. S. Shaikhullin // Law and Statehood. – 2025. – No. 1 (6). – P. 62-68.

[4] Samigullin, V. K. Law and Order and Democracy / V. K. Samigullin // Law and Statehood. – 2026. – No. 2(11). – P. 8-13.

[5] Mukhametshin, F. B. Issues of Protecting the Rights of the Victim at the Pre-Trial Stage of Criminal Proceedings / F. B. Mukhametshin // Law and Statehood. – 2026. – No. 2(11). – P. 56-61.

[6] Udodov, A. G. Historical «Falsification» and the Response to It: Historical and Legal Aspects / A. G. Udodov // Law and Statehood. – 2025. – No. 3(8). – P. 22-26.

[7] Gadzhialieva, A. T. Historical and legal analysis of the formation and development of the institution of suspension of preliminary investigation in Russia / A. T. Gadzhialieva // Modern problems of criminal procedure: solutions (dedicated to the 160th anniversary of the Charter of Criminal Procedure): Collection of materials of the V International scientific and practical conference, Ufa, April 4-5, 2024. – Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. – Pp. 68-72.

[8] Shaikhullin, M. S. Moral state of a modern Russian lawyer in terms of professional legal representation / M. S. Shaikhullin // Law and statehood. – 2025. – No. 3 (8). – Pp. 77-81.

[9] Gadzhialieva, A. T. Problematic aspects of the procedural procedure for suspending a preliminary investigation in connection with the search for a suspect or accused / A. T. Gadzhialieva // Law and Order. – 2023. – No. 11. – Pp. 192-195.

[10] Badretdinov, A. I. Procedural deadlines as guarantees of a person's right to a fair trial within a reasonable time / A. I. Badretdinov, M. S. Shaikhullin // Judicial power. – 2026. – No. 2. – Pp. 34-40.

[11] Samigullin, V. K. Testing the strength of Russian statehood (on the events of 1773-1775) / V. K. Samigullin // Law and statehood. – 2025. – No. 2 (7). – Pp. 11-21.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.